

Как уже многократно отмечалось. Герт Хофман менее всего стремится быть учителем и пророком, высказывать нечто аксиоматичное, вот и здесь он ушел от однозначности, замкнув круг судеб,

вновь заставив задуматься над вечными вопросами об искусстве, месте художника в мире насущных проблем и заново взглянуть в прошлое, как это делает внук кинокомментатора Карла Хофмана.

Н.НОВИКОВА

ХРОНИКА

Критические отклики в немецкоязычной прессе на первый роман Генриха Бёлля «Ангел безмолвствовал» (из рукописного наследия писателя)

В центре по изучению творческого наследия Генриха Бёлля при Вуппертальском университете, сообщает пресса, усилиями группы германистов под руководством профессора Вернера Беллмана готовится к выпуску в свет большое критическое 25-томное издание сочинений писателя, куда войдет более ста ранее не публиковавшихся работ (романы, радиопьесы, эссе, рассказы, публицистика) и множество писем.

Среди относительно недавних находок — не публиковавшийся (и никогда ранее Бёллем не упоминавшийся) первый его роман «Ангел безмолвствовал», выпущенный в 1992 году кельнским издательством «Кипенхойер унд Вич» с кратким и, по общему мнению критики, очень содержательным послесловием В.Беллмана. Первоначально роман должен был появиться в свет в начале 1951 года в опладенском издательстве «Миддельхауве», но из-за концептуальных разногласий автора с издателем выход книги не состоялся. Консервативно настроенный издатель (Фридрих Миддельхауве) талант начинающего писателя вполне оценил, но твердо считал, что его тогдашние современники (1950-51 гг.) к описаниям прошедшей войны и оставленных ею разрушений (а именно это собирался предложить читателям Бёлль) испытывают «крайнюю неприязнь», и потому настоятельно советовал автору приготовить для читателя что-нибудь более съедобное (побольше «ветчины и шоколадных конфет», по ироничному замечанию Бёлля). После нескольких переделок романа, не устроивших ни ту, ни другую сторону, Бёлль от печатания романа отказался и опубликовал его отдельными фрагментами в немецких периодических изданиях; несколько его небольших частей вошло в последующие его прозаические работы: например, в повесть «... и не сказал ни единого слова» (1953).

Действие книги отнесено к 8 мая 1945 года, т.е. ко дню капитуляции Германии (дню освобождения, как на том последовательно настаивал Бёлль). Роман носит легко опознаваемые автобиографические черты: 8 мая молодой солдат Ханс Шницлер, главный его герой, дезертировавший с фронта (как в свое время сам Бёлль), возвращается в разрушенный войной город своего детства (в очертаниях которого угадываются контуры Кельна — родного города писателя), вернее сказать, в гигантскую грудку развалин, от города оставшихся. В центре внимания писателя — картины гибели и разрушений: дым, смрад, запах крови и смерти, исходящие от развалин, а если точнее, то само состояние души людей, только что переживших страшную катастрофу и в недавнем

прошлом эту катастрофу готовивших. По неудачному выражению Ульриха Грайнера, редактора еженедельника «Цайт», Бёлль «просто упиивается живописанием развалин». Большинство критиков считает, что в выразительности именно этих описаний руин — руин материальных и руин в душах людей — и заключается одна из сильных сторон книги. Бёллю, по мнению Г.-М. Энциенсбергера, удалось то, перед чем капитулировало большинство немецких писателей, — точно обрисовать самочувствие немцев в первые дни мира.

Все без исключения критики отмечают узнаваемость характерно бёллевского почерка, его языка, его неповторимой интонации, его способа эстетической организации воссоздаваемой «реальности» и его характерного символического разделения действующих лиц на две большие группы: «ягнят», т.е. людей «маленьких», в большей или меньшей степени моральных, но не защищенных никакой социальной «броней», беспомощных (вроде главного героя и его подруги Регины Унгер), и «буйволов», т.е. цепких, алчных, коварных, изворотливых, лицемерных, властолюбивых, а порой и с задатками садистов и убийц, — деление, наиболее отчетливо художественно реализованное в романе «Бильярд в половине десятого».

Ряд критиков — например, Торстен Беккер в цюрихской газете «Вельтвохе» (от 27 августа 1992 г., с. 45) и безымянный автор статьи в журнале «Шпигель» (в № 24 за 1992 г., с.244—245) — отмечают поразительную социально-критическую актуальность звучания первого бёллевского романа. Актуальность эта особенно бросается в глаза на фоне социального излома — трудного, быстрого и болезненного процесса вхождения Восточной Германии в новую для нее систему общественных отношений, в новый, непривычный политико-экономический уклад. Состояние «у разбитого корыта», в котором неожиданно для себя оказались восточные немцы, хотя лишь очень отдаленно напоминает состояние краха в мае 1945-го, но скоропостижная кончина человеконенавистнического режима сейчас, как и тогда, очень способствовала выходу на арену массы политических оборотней и мастеров преуспевать в любых обстоятельствах и при любых, даже быстро меняющихся режимах. Одна наиболее яркая из таких фигур — некий д-р Фишер, который до 1945 г. пользовался покровительством как со стороны нацистов, так и со стороны архиепископа, а после войны делал вид, будто вступил в нацистскую партию исключительно под давлением и чуть ли не по спецзаданию архиепископа. После войны д-р Фишер опять «на коне», он — «неофициальный советник его высокопреосвященства кардинала» и издатель христианского журнала «Агнец Божий». Главное в жизни д-ра Фишера — деньги, и в погоне за ними он не знает никаких моральных преград. «Деньги пахнут кровью» — на этих словах у Бёлля поставлен отчетливый акцент, и потому Ханс Йоахим Бернхард, критик журнала «Нойе дойче литератур» (1992, № 10, с.138—140) отмечает, что влияние Леона Блуа на творчество Бёлля на самом деле было, по-видимому, несравненно глубже и сильнее, чем принято считать.

Фигура д-ра Фишера, что также отмечено критикой, связана с традиционной для Бёлля критикой церкви и священнослужителей, а также с очень деликатной темой личных поисков истинного христианства, вернее сказать, образа жизни, без натяжек и самооправданий соответствующего христианским постулатам и вместе с тем хоть как-то совместимого с бытийными рамками профанного и жестко-прагматичного мира аденауэровских христиан-собственников. Д-р Фишер, гнусным образом соединяющий в себе алчность к деньгам с как бы одухотворенным эстетическим изыском (он коллекционирует лики мадонны), являет у Бёлля, понятно, негативный полюс, но недалеко от него ушли

(если вообще ушли) и высокопоставленные служители церкви, коим писатель противопоставляет — здесь и в последующих произведениях — «живое практическое христианство» («gelebtes Christentum») простого, рядового, морального и несущего в себе тихую веру человека. И в столь отчетливо определенной позиции Райнхард Ренгер, рецензент журнала «Культуркроник» (1992, № 2, с. 19—21), видит огромную заслугу Бёлля, темпераментно выступившего против расхожих в ту пору утверждений о будто бы воцарившемся в умах немцев в мае 1945 года духовном «часе ноль» — духовном вакууме и противопоставившего этим утверждениям свое, уточняющее, понимание тогдашней ситуации, свое, позитивное, христиански-ориентированное мировидение.

На вопрос о том, как соотносится бёллевский «Пра-Фауст» (по выражению «Франкфуртер альгемайне») с последующими произведениями писателя и нет ли среди них таких, с которыми эту книгу связывало бы прямое родство, критики отвечают по-разному: Х.И. Бернхард («Нойе дойче литератур»), например, видит в нем первую часть трилогии: «Ангел безмолвствовал» — «Глазами клоуна» — «Женщины на фоне рейнского пейзажа». По мнению В.Беллмана, роман «являет собой начало целой цепи текстов, завершающейся романом «Глазами клоуна» и эстетически знаменующих собой начало и конец аденауэровской эры, придиричивым хронистом которой Бёлль был как никто другой.

Что касается общих оценок романа, то мнения критиков и здесь очень заметно расходятся: от неопределенных и почти внелитературных (с акцентом на ее познавательной ценности: «в наши дни книга действует как увеличительное стекло, с помощью которого можно в деталях изучать материальное и духовное состояние людей после окончания войны» — Гунхильд Кюлер в «Нойе цюрхер цайтунг», от 9 сентября 1992 г., с. 31) и сдержанно-позитивных (Х.И.Бернхард), включая такие, когда авторы ограничиваются общими указаниями на тип рассматриваемого литературного текста (подобно автору «Шпигеля», опирающемуся на высказывание В.Беллмана в послесловии к книге: «Ангел безмолвствовал» — это характерный пример «литературы возвращения» и «литературы развалин», «литературный документ, свидетельствующий о состоянии страны и самочувствии немцев в мае 1945-го») до сдержанно-критических. Критичнее всех по адресу бёллевского романа высказался, пожалуй, Р.Ренгер в упоминавшейся статье в «Культуркроник». «Нет реального смысла, — пишет он, — сравнивать «Ангела» с точки зрения его литературных достоинств с более поздним творчеством Бёлля». Действующие лица романа, по его мнению, похожи «на деревянные фигуры»; рецензента, кроме того, раздражает недопустимо упрощенное деление персонажей на «добрых» и «злых» и вообще «плакатный» стиль бёллевской образности; и что совсем уж неожиданно — Ренгер обвиняет автора в бедности языка («местами плоский, увечный язык»). — В другую крайность — безоговорочное, восторженно-некритичное восприятие романа — впадает Торстен Беккер («Вельтвохе») — хотя опять же с уловимым акцентом на всегдашней актуальности романа («Бёлль классичен»). Истина, т.е. взвешенное суждение, в данном случае, думается, должна лежать где-то посередине.

В одном, пожалуй, критики едины: в признании того факта, что роман Бёлля, несомненно, дает богатую пищу для размышлений современному немецкому читателю — о своей истории, о событиях полувековой давности и о социально-политических процессах, происходящих в его стране ныне.